

Он взглянул на старого учителя Куна — с годами тот становился всё забывчивее — и мягко напомнил:

— Подумайте ещё раз внимательно: может, вы оставили ключ в другом месте, а потом просто забыли?

— Как это возможно? Я не впал ещё в детство, чтобы такое забыть! — Старый учитель Кун рассердился, отверг предположение и настаивал, что ключ непременно украли.

Старшему констеблю Цяню ничего не оставалось, как велеть подчинённым занести это в записи. Дело об убийстве ещё не сдвинулось с мёртвой точки, а тут ещё и кража прибавилась.

— К счастью, у меня есть запасной ключ, — успокоила всех Ледяное Сердце.

— Тогда вам стоит заглянуть в Павильон Тяньи, проверить, не пропало ли чего, — предложил ей старший констебль Цянь.

Ледяное Сердце согласилась и велела смотрителю Ли Ли сопровождать старого учителя Куна на осмотр. Как ответственный за Павильон Тяньи, старый учитель Кун волновался больше всех. Он тут же взял ключ, отпер дверь и вошёл внутрь. Но в павильоне хранились десятки тысяч книг — на полную проверку ушло бы уйма времени.

Дела бывают срочные и важные. Ледяное Сердце и старый учитель Кун беспокоились о Павильоне Тяньи, но старший констебль Цянь, человек неучёный, больше занимался убийством. В сопровождении смотрителя Линь Цю он отправился в общежитие Юэвэй продолжать дознание.

Обойдя с Линь Цю общежитие, старший констебль Цянь отметил: студенческие комнаты занимали первые два ряда, преподаватели жили в заднем ряду. Весь комплекс был обнесён стеной, единственный арочный вход выходил на юг и соединялся с крытой галереей. К востоку от галереи располагался Восточный двор, к западу — Западный, а с южной стороны открывался вид на озеро, откуда по мосткам можно было дойти до острова в самой середине.

Смотритель Линь Цю отвечал за порядок в общежитии. Каждый вечер он дежурил в привратной комнате, и ни один студент или учитель не мог пройти незамеченным.

Линь Цю сообщил, что прошлым вечером ничего подозрительного не происходило, посторонних не было, всё шло как обычно. Студенты кто отправился в Восточный двор заниматься, кто остался в комнатах. Ван Цзыюя он не видел ни входящим, ни выходящим; по его воспоминаниям, после занятий тот в общежитие так и не вернулся. Сын князя Ань, Сяо Цзюэ, вернулся с наступлением вечера и больше не выходил.

Из преподавателей Гуань Синь ходил в Восточный двор пить чай с Ледяным Сердцем, но вернулся в начале сумерек. Учитель живописи Ли Сянь тоже ненадолго отлучался — он любил ночные прогулки в поисках вдохновения, — однако к полуночи был уже назад. Учителя математики Чжан, музыки Лю и верховой езды Цинь, по словам Линь Цю, из общежития не выходили.

Пока старший констебль Цянь с Линь Цю обходили двор, на них то и дело обращали взгляды студенты и преподаватели. Хотя Ледяное Сердце и велела подчинённым пока помалкивать, чтобы не сеять панику, внезапное исчезновение Ван Цзыюя, появление в училище констеблей и приказ оставаться в комнатах, отменив занятия на день, — всего этого было достаточно, чтобы в юных головах зародились самые разные догадки.

Старший констебль Цянь велел Линь Цю проводить его в комнату Ван Цзыюя и позвать соседа покойного, Ван Таня, для допроса.

Ван Тань был тщедушным и тихим, самым что ни на есть хрестоматийным слабым книжником, не способным и курицу обидеть.

Старший констебль Цянь не стал ходить вокруг да около:

— Вчера вечером ваш сосед Ван Цзыюй был убит в Павильоне в сердце вод. Я расследую это дело.

— Что? Цзыюй... убит? — Ван Тань, конечно, заметил, что сосед не вернулся на ночь, но до такого исхода не додумался и оторопел. — Боже правый, как же так? А кто... кто это сделал?

— Пока не знаем. Расследуем. Вы, как его сосед, если располагаете какой информацией — говорите всё как есть. Не утаивайте.

— Хорошо, расскажу всё, что знаю, — Ван Тань на миг задумался. — Только вряд ли это поможет. Мы жили в одной комнате, но делами он со мной не делился. Вчера у нас были разные занятия, весь день мы не виделись. После ужина я пошёл в книгохранилище Западного двора почитать и вернулся в общежитие уже ближе к ночи. Цзыюя в комнате не было. С тех пор он и не появлялся.

Старший констебль Цянь усомнился:

— Сосед пропал на всю ночь, а вам и в голову не пришло, что странно? Почему смотрителю не доложили?

Ван Тань замялся:

— Я... я подумал, что он, наверное, у Сяо Цзюэ... потому и не стал беспокоиться...

— То есть Ван Цзыюй часто ночевал у наследника?

Лицо Ван Таня слегка покраснело. Он глянул на Линь Цю и неспешно ответил:

— Не то чтобы часто... но случалось. Они были очень близки, а Сяо Цзюэ живёт один...

Старший констебль Цянь начал понимать. Нравы нынче вольные, заведения для мужской любви процветают, чувства между мужчинами тоже не редкость, особенно среди учёного сословия — истории о разделённом персике и отрезанном рукаве всем известны. Нынешние студенты тоже этим увлекаются, считая романтическим изыском. Сам старший констебль Цянь таких наклонностей не имел, но наслушался всякого.

Он с подозрением спросил у Линь Цю:

— Говорили, студенты живут по двое. Почему наследник один?

Линь Цю ответил сухой усмешкой:

— Наследник с младых ногтей в роскоши рос, к соседству не привык. Княгиня лично к директору обращалась, настаивала.

Старший констебль Цянь тоже понимал: училище училищем, но наследник князя — особа

высочайшая, да и князь Ань сына одного имеет. Как его с прочими ровнять?

Директор Ледяное Сердце — женщина умная и обходительная, даже уездное начальство сумела расположить к себе. Стала бы она из-за такой мелочи с княжеским домом ссориться?

Старший констебль Цянь снова повернулся к Ван Таню:

— А в последнее время Ван Цзыюй вёл себя как-то необычно?

Тот нахмурился, вспоминая:

— С тех пор как три месяца назад к нам перевёлся Янь Цзюнь, Цзыюй стал каким-то нервным. Я как-то нечаянно подслушал, как он ссорился с Сяо Цзюэ из-за Янь Цзюня. Цзыюй, похоже, ревновал, что наследник с тем сошёлся, и с самим Янь Цзюнем несколько раз словесно перебрался.

Старший констебль Цянь подхватил:

— Вы говорите, он ссорился с Янь Цзюнем? Из-за чего именно?

— Конкретно не знаю. Да и ссорой это не назовёшь. Мне кажется, Цзыюй просто искал повод зацепиться. Но Янь Цзюнь, похоже, не придавал этому значения — отшучивался лишь, в серьёзный спор не вступал.

Старший констебль Цянь задал ещё несколько вопросов, но, не почерпнув ничего нового, закончил допрос. Затем он велел вынести и осмотреть вещи покойного.

Ван Цзыюй был из семьи небогатой, ценных вещей при себе не держал — только то, что полагается учёному человеку, да немного серебра и медяков. Лишь одна пара подвесок из белого нефрита в виде карпов смотрелась явно необычно.

Ван Тань пояснил: эти нефритовые карпы подарил Ван Цзыюю Сяо Цзюэ. Говорили, вещь из приданого самой княгини Ань, очень ценная. Ван Цзыюй её как зеницу ока берег, никогда не надевал, на дне сундука хранил, только иногда доставал полюбоваться.

Выйдя из комнаты Ван Таня, старший констебль Цянь понизил голос и тихо спросил Линь Цю:

— У вас в училище такое... мужские утехи... часто случаются? Студенты предаются запретной любви, а вы не пресекаете?

Линь Цю слегка смутился:

— Училище такое не поощряет. Но ветер любви среди учёных мужей дует с древности, это часть изящной культуры. Иначе откуда бы взялась история о Лян Шаньбо и Чжу Интай? Наше дело — чтобы студенты учились, знания глотали. А уж как они меж собой общаются на досуге — как это запретишь? Молодые, горячие, столько юношей вместе — такое неизбежно. Училище не одобряет, но и строго не запрещает. Лишь бы учёбе не мешало.

Помолчав, он добавил:

— Да и кто в молодости не грешил? Покуражился в юности, а повзрослеет — женится, детей заведёт, дом построит. Тогда оглянется — да и смешно станет.

<http://bllate.org/book/16283/1467105>